

Окончание. Начало на 6-й стр.

Свидетельство, как говорится, из первых рук.

И возникает в мучительных снах, в кошмарах тема трех молодых прекрасных женщин, трех сестер-арзамасок. Если бы одна, было бы понятнее и проще. Мало ли? Ну влюбился подросток в русскую красавицу, если даже и старшего его, и была недоступна, недосыгаема и осталась светлой памятью на всю остальную жизнь. Но почему — три? И почему они приходили потом к взрослому чоновцу не светлой сказкой, а тяжелым кошмаром? Ведь именно в связи с памятью об этих трех загадочных сестрах он однажды обронил: «Если бы можно было возвратиться назад и начать сначала...»

Документировать, как того требует Б.Каюмов, невозможно, но подсказывает интуиция: уж не хлопнул ли их юный р-революционер?

И что значит: «Снились люди, убитые мною в детстве»? В каком детстве? Видимо, догадываясь о кровавых проделках отпрыска или даже зная о них, мать и упростила своего знакомого Ефима Осиповича Ефимова взять Аркашу поскорее в отряд (ЧОНовский отряд). С чоновца, если даже что-нибудь и открылось бы, — взятки гладки. И потом было ясно, что отряд из Арзамаса скоро уйдет. Для Голикова было: чем скорее, тем лучше.

В отряде А.Голиков с четырнадцатью лет. Действительно, отряд вскоре перевели в Москву. И потом были курсы, и потом были курсы в Киеве, а потом начались «боевые» «ЧОНовские» дела. Но про эти дела, если даже и приходилось стрелять (а разумеется, приходилось), уже Аркадий не мог сказать «люди, убитые мною в детстве». Нет, запись в дневнике была про людей, убитых, пока Аркаша не был еще в ЧОНовском отряде в должности адъютанта Ефимова. И надо полагать, в адъютантском либо в курсантском положении у Аркадия меньше болела бы совесть при убийстве людей, нежели за год-другой перед этим, когда он тайно носил в кармане заряженный маузер...

...ИЗ АРХИВА ЧОН (АЧИНСКИЙ ФИЛИАЛ ГАКК).
Соловьев Иван Николаевич, 32 года, жена, 2 детей и отец в банде. Примерно 1894 года рождения.
Отец, 60 лет, завхоз банды (отряда, — В.С.)

Начальник штаба — Макаров Алексей Кузьмич, полковник царской армии. Адъютант — Королев Владимир Иванович, 28 лет, прапорщик, имеет образование агронома. Носит форму с погонами прапорщика, погоны желтого цвета.

Завразведкой — Астанаев Сильвестр Яковлевич, 26 лет, из инородцев улуса Чарков, Синявинской волости, малограмотный. (Очевидно, агентурная ошибка. По другим сведениям, полученным, в частности, в личной беседе с его правнуком Василием Сергеевичем Астанаевым, Сильвестр Яковлевич учился в Томском университете).

Каптенармус — Талкин Прокопий, инородец, 40 лет, из улуса Сарала, Кызылской волости.

Комвзвода 1. Кульбестеев Константин Григорьевич, 28 лет, из улуса Сарала, инородец.

Комвзвода 2. Кулаков Дмитрий, 27 лет, инородец.

Щепачев Павел — старший пулеметчик, казак, 30 лет, из улуса Теплая речка Кызылской волости.

Создан суд чести. Имеется молитва «Спаси, Господи, люди твоя и сохрани достояние твое...». Существует ежедневная вечерняя перекичка, группировавшая банду (отряд. — В.С.).

Банда именуется «Горно-конный партизанский отряд (им. Великого Князя Михаила Александровича)».

Все вооружены винтовками, шашками, револьверами, имеется артиллерия. Обмундирование одинаковое, добротное, хорошее. В банде имеют все большую сознательность, на почве этого распоряжения выполняются беспрекословно и сознательно... В банде имеется книга приказов, например:

1. Назначить начальником разведкоманды Емандыкова Николая с 15.05.22.

2. Каптенармусом назначить Кулакова Аркадия, помощником Пономарева.

3. Категорически запретить самовольные обыски у населения.

Есаул Соловьев.

...Эти песни, исполняемые под чатхан, записаны в глубине Ширинского

«СОЛЕНОЕ ОЗЕРО»

района у кызыльцев. Они сохранились благодаря записям и обработке Бориса Кокова и его жены Марии, по-хакасски Хызан-иней. Все они до сих пор традиционно запрещены.

В книге буквальный текст этих песен мы даем в переводах хакасского поэта Каркея Нербышева. Каждая песня имеет на хакасском языке несколько вариантов. Каркей Нербышев жалеет, что именно при переводе песни на другой язык нельзя передать боль и стон народа, которые полноценно звучат только при исполнении песни и только на том языке, на котором она родилась. Действительно, разве мы получили бы полное представление о любой русской песне, если бы не слышали, как ее поют, а просто читали бы слова.

Мы сочли нужным дать в книге транскрипции песен на хакасском языке, их буквальные переводы на русский язык, сделанные хакасским поэтом. Здесь же из экономии места мы даем только литературные переводы этих песен, сделанные автором книги.

Шесть дорог меня вдаль ведут,
Как найду я дорогу свою?
Шесть напевов во мне живут,
На каком я песню спою?

Тяжело коню под седлом,
Кто облегчит ношу коня?
Соловьев покинул свой дом,
Он спасет, защитит меня.

Семь извилин на долгом пути,
По какому из них мне идти?
Соловьев мне брат и отец,
Я теперь у него — боец.

Разве самый плохой из коней
Тот, что мне подарил отец?
Из сражающихся людей
Разве самый плохой я боец?

Если бы не белела гора,
Откуда бы светлые реки текли?
Если бы не было Соловьева — орла,
На что бы надеяться мы могли?

Белогорье сияет своей белизной,
Не загрязнит его чужая нога.
Соловьев не хакас,
но он с нами душой,
Чистой, как эти снега.

Никогда не растаять
в горах снегам,
А в реке не иссякнет вода.
Соловьев не хакас,
но хакасам, нам,
Не изменит он никогда.

Буйный Июс за спиной у нас,
Земля отцов за спиной у нас.
Мы покинули
мирный родной очаг,
Разорил его лютый враг.

Но винтовки меткие
у нас за спиной,
Каждый патрон — береги.
Мы в родной тайге,
Соловьев, с тобой
Прячемся, как враги.

Но ружье в руке, а пуля в стволе,
И сабля острая на боку.
С бесчинствующими
на родной земле
Не сражаться я не могу.

О, мой конь гнедой,
что меня носил,
Где же ты и где же твое седло?
Час последний мой наступил,
На расстрел ведут за село.

Где же ты, Соловьев,
в золотом седле,
За тобой я как за стеной.
Больше мне не жить на земле,
Где же ты и твой конь золотой?

Где же острая шашка твоя,
Где винтовка твоя, командир?
Расстреляли вчера тебя,
И остался я в мире один.

Но придет это время, придет,
Среди наших белых берез.
Отомстит хакасский народ
За море крови, за море слез.

Вдали белеющий Тасхыл
Вершиной светлой знаменит.
Пусть Соловьев и русским был —
Он моему народу мил.

Вдали синеющий Тасхыл
Вершиной синей знаменит.
Пусть Соловьев погиб, убит.
Своей душой он с нами был.

Высоко стоит Белогорье —
Соловьева гнездо, орла.
Русский, с нами делил он горе
И душа его с нами была.

Белыми цветами земля цвела,
Трава по лугам, как шелк была.
Песнями наполнялась
моя страна,
Плачем и стоном она полна.
От тебя весь стон,
От тебя весь плач
Голиков — палач.

Тихим ветром дышала
страна матерей,
Журчала реками наша страна.
Полной чашей была
страна матерей,
В крови и пепле лежит она.
Опустошил ты
землю красивую нашу,
Кровью ты залил ее,
Аркашка.

Направо, налево
ты стреляешь и рубишь,
Мой добрый народ
беспощадно ты губишь.
Отольются тебе наш стон и плач,
Голиков — палач.
Отольются тебе все слезы наши,
Будь ты проклят, палач,
Аркашка.

Стар и млад убиты тобой, убиты,
Под корень ты рубишь хакасов — нас,
Не похоронены мы, не зарыты.
Не наступит отмщенья час.
Долетят до тебя проклятья наши,
Носитель черной души,
Аркашка!

Наш Июс, большую реку,
Что в зеленых лугах течет,
Я, пожалуй, переплыть не смогу,
Но народ ее переплывет.

Что ни день,
то за смертью смерть,
Грабят нас за бандитом бандит.
Победить их мне не сумею,
Но народ их всех победит.

Комиссары ограбили нас,
Кровь течет, как река Июс.
Но пока Соловьев за нас,
Я бандитов тех не боюсь.

Сокол острогрудый,
встреч ветра летающий,
Не боится урагана и бури.
Соловьев,
за народ выступающий,
Отступать перед врагами
не будет.

Сокол крепкогрудый,
ветра побеждающий,
Бурана не побоятся.
Соловьев, народ защищающий,
До последнего будет биться.

Положили меня на озерном льду,
Около проруби положили меня.
В чем спасенье свое

теперь найду?
С камнем в воду бросят меня.

Затолкают меня под лед,
И никто меня не спасет.

В этот миг последний жизни моей
Налетел на врагов Соловьев.
Разметал кровавых он палачей,
Разметал их как воробьев.

Стал ты мне, Соловьев,
роднее отца.
Буду верен тебе до конца.

...Между тем в «ЧОНовский» центр в Красноярске пошли на Голикова бесчисленные жалобы за его кровавые действия. Жалоб этих было так много и они были так доказательны и настойчивы, что красноярские власти реши-

ли вызвать восемнадцатилетнего комбата с «тамбовским опытом» и во всем разобраться. Телеграммы три или четыре Голиков оставил без ответа. Наверное, ему казалось странным, что его действия представителями Советской власти могут оцениваться как предосудительные. Однако в конце концов он вынужден был подчиниться и явился в Красноярск.

Нет стенограмм разбирательства этого дела, но есть заключение по делу № 274. В этом заключении командующий ЧОН губернии В.Какоулин написал: «Мое впечатление: Голиков по идеологии неуравновешенный мальчишка; совершивший, пользуясь своим служебным положением, целый ряд преступлений».

Были, оказывается, проверочные комиссии. Так вот, председатель одной из проверочных комиссий, а именно т. Виттенберг, потребовал для Голикова суда и высшей меры наказания, то есть расстрела.

Биографы Голикова утверждают, что суд не состоялся. Научный сотрудник Института истории Хакасии Сергей Михайлович Тотышев уверял меня, что суд был и что Голикова приговорили к расстрелу, но что Тухачевский (поделец Голикова по тамбовским кровопролитиям), находясь в то время на высоте государственного положения, спас своего бывшего подчиненного, отозвав его из Красноярск в Москву «для лечения». И то и другое правдоподобно, ибо к этому времени всем стало ясно, что Голикова нужно лечить.

...По предварительной договоренности Иван Николаевич Соловьев должен был встретиться один на один с начальником Красноярского ЧОНА Зарудневым. Заруднев должен был передать Соловьеву документ на право мирной жизни и мирного хозяйствования на земле. И хотя Соловьев приехал в станицу в сопровождении своего заместителя Чихачева и своего адъютанта, но эти двое — по договоренности — остались в стороне, чтобы Соловьев мог встретиться с Зарудневым один на один. Заруднев был пешим, а Соловьев на своем коне золотой масти. Соловьев протянул руку Зарудневу, а тот вместо рукопожатия Соловьева с коня сдернул. Тотчас трое-четверо прятавшихся поблизости налетели на Соловьева, скрутили, связали его и отнесли в баню, где и положили на пол. Чихачев и адъютант почуяли неладное, но их немедленно застрелили. Дальше официальная версия такая.

Часовой около бани, услышав выстрелы, испугался, что Соловьева освободят (а Соловьев к этому времени будто бы сумел развязаться), и часовой Соловьева застрелил. Но все это шито белыми нитками и не более (современно-молодежному говоря) чем пудренье мозгов и вешанье лапши на уши.

Пуля вошла Соловьеву в череп сбоку, чуть выше уха. Спрашивается, если бы Соловьев действительно развязался (а значит, и вскопил бы на ноги), куда бы попала пуля? В грудь, в живот, куда угодно, только не в череп сбоку, над ухом. Ясно, что часовой стрелял в связанного и лежащего на боку Соловьева. Ясно, что ему заранее было приказано Соловьева застрелить. Всех троих, т.е. самого Соловьева, его заместителя Чихачева и его адъютанта, закопали около ограды сельского кладбища. Сельчане обиходили могилу и даже успели поставить крест. Но через три дня приехали из Красноярск чоновцы и труп Соловьева увезли, якобы для опознания. Где они его закопали, никому неизвестно.

А я уже чисто лирически думаю: кто же стал ездить на коне Соловьева золотой масти? Как тут не вспомнить современный эстрадный шлягер:

Есаул, есаул,
что ж ты предал коня,
пристрелить отказалась рука.
Есаул, есаул,
что ж ты предал меня,
я чужого несущего ездока.

Итак, дата его смерти — 4 апреля 1924 года. А если бы кто из русских людей нашего поколения или в будущем захотели бы помянуть Ивана Николаевича, то день именин его мы не знаем, поскольку не знаем дня рождения. Ведь Иоаннов в году отмечается несколько. Иоанн Златоуст, Иоанн Пустынник, Иоанн Лествичник... Я бы предложил чтить Ивана Николаевича в день Ивана-Воина. Этот день православная церковь отмечает 12 августа по новому стилю (30 июля — по старому).